
Международный электронный научно-практический журнал
**«Вопросы филологии и межкультурной коммуникации: научные
исследования и практические решения»**

International Scientific and Practical Journal
"Studies in Philology and Cross-cultural Communication"

График выхода: 4 раза в год

Языки: русский, английский

Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77-68838 от 28 февраля 2017 года

Учредитель/издатель: Автономная некоммерческая организация "Международный центр продвижения русского языка и культуры "ЦЕНТРУС"

Официальный сайт: www.vfmk.ru

Прием статей по эл.адресу: vfmk@centruscom.ru

Место издания: Российская Федерация, г. Волгоград

Цель издания – поддержка молодых ученых, популяризация и знакомство широкой общественности с новейшими научными исследованиями в области филологии и межкультурной коммуникации, создание единой площадки по обмену научным опытом между российскими учеными и их зарубежными коллегами, занимающимися проблемами межкультурной коммуникации и развития русского языка.

Гелимсон Л.Г. Всеобщая (психо)логичность многоязычной всеобщей филологии [Электронный ресурс] // Вопросы филологии и межкультурной коммуникации: научные исследования и практические решения: электрон. научн.-практич. журн. 2017. N 1 (1). URL: <http://vfmk.ru/journal/01/0115.html> (дата обращения: 12.07.2017).

УДК 1:50:8

Гелимсон Лев Григорьевич,
директор, д-р техн. наук,
Академический институт создания всеобщих наук,
Мюнхен, Германия,
E-mail: Leohi@mail.ru

ВСЕОБЩАЯ (ПСИХО)ЛОГИЧНОСТЬ МНОГОЯЗЫЧНОЙ ВСЕОБЩЕЙ ФИЛОЛОГИИ

Аннотация: Жизнедеятельные личные творческие филология, философия, логика и психология выделены многоязычным унижизнесотворением – иерархией всеобщих наук автора со всеобщей философией как ядром и с открывшей всеобщую пустоту ключевой непрерывной всеобщей логикой с особыми языком и речью. Всеобщая психология унипредчувствием и униинтуицией с унижизнепсихокогерентностью униисцеляет излучение психики. Унифилология даёт синергию унифилософского, унилогического и унипсихологического направлений в униязыковедении.

Ключевые слова: унимногоязычное унижизнесотворение, целительная унифилософия, непрерывная унилогика, униинтуиция излучения психики, унижизнепсихоаналитическая унипсихология, унижизнепсихокогерентная унигениелогия, униискусная унинаучная унифилология.

Gelimson Lev Grigorevic,
Director, Ph. D. & Dr. Sc.,
Academic Institute for Creating Universal Sciences,
Munich, Germany,
E-mail: Leohi@mail.ru

UNIVERSAL (PSYCHO)LOGICITY OF MULTILINGUAL UNIVERSAL PHILOLOGY

Abstract: Life-active creative personal philology, philosophy, logic and psychology are distinguished by multilingual unilifecreativing as the author's universal sciences hierarchy with uniphilosophy as the core and with key unilogic with a special language and speech and discovering the univoid. Unipsychology with universal premonition, intuition and lifepsychocoherence uniheals the psyche radiation. Uniphilology gives the

synergy of universal philosophical, logical and psychological directions in unilinguistics.

Keywords: multilingual unilifecreativing, wholesome uniphilosophy, continuous unilogic, uniintuition of the radiation of the psyche, unilifepsychoanalytical unipsychology, unilifepsychoherent unigeniusology, uniingenious uniscientific uniphilology.

Известны мифологическое мышление [7, с. 377–379], логико-философское [6, с. 273–275], психологическое [6, с. 405–406] и др. направления в языковедении [6]. Всеобщими философией и логикой автора открыты не считающиеся всеобщие пустота и ничто как полное отсутствие и небытие и итог полного бездействия с отменой любого действия над всеобщей пустотой. Устранены изъяны конечной разрывной формальной логики, которая ограничивается рассудком и пренебрегает чувствами, разумом, рефлексией [7, с. 579–580], волей, причинами и следствиями и даже здравым смыслом. Доказательство с (само)убеждением и развитие даются унижизнепсихоанализом, унижизнепсихоисцелением, творческой унифилологией с унинауковедением и унимногоязычной унириторикой. Языкореchie – сознание [4, с. 489; 7, с. 622–624] над бессознательным [4, с. 59; 7, с. 52–53] в народном строе души как главное общественное сознание. Унижизнепсихокогерентность – всеобщая слаженность жизни и души, душевная сонастроенность и судьбоносная сопричастность – к сочувствию эмпатии (осознанного переживания чувств другого) присоединяет сомыслие и соволие сознания и совести [7, с. 620–621] с проникновенными всеобщими упорядочением, оживлением и воодушевлением. Они обобщают панлогизм, панвитализм и панпсихизм (гилозоизм) [7, с. 115, 476], полезны как психологические методы для вживания, вчувствования, вдумывания, содействия, ведущих к взаимопониманию, эмпатии, для всеобщего исследования.

[6, с. 604–608; 7, с. 816] рассматривают язык как знаковую систему в духе формальной логики [4]. Языкореchie (язык и речь) – живое народное сознание над бессознательным в народном строе души – определяет сознание личности,

первично и безраздельно главенствует в общественном сознании. Отсюда следует судьбоносность не только языка и речи, но и филологии с языкознанием [6].

Для многоязычия и вообще для жизни личности и бессмертия народа необходимы правильные личные логика, филология, психология, философия с мировоззрением, педагогика, обществоведение, а для человечности как залога выживания человечества – и высокая нравственность. Мания потребительства с рынками, банками и биржами, по данным опытов [8] в Йельском университете с обезьянами-капуцинами, – не выше животного уровня. И даже ниже уровней растительного и минерального царств с ограничением их потребления лишь естественными потребностями. «Лёвик» автора: «Если жизнь – размером с вещь, // то игра не стоит свеч». В статьях «ДАО» и «ЛОГОС» [7, с. 134–135, 323–324] логос верно определён как «сквозная смысловая упорядоченность бытия и сознания». Однако статья «ЛОГИКА» [7, с. 316–319] и [4] под логикой понимают лишь науку (а сущее, его бытие и жизнедеятельность – в стороне) о правилах только разрывного рассудка [7, с. 567] без здравого смысла и разума в мышлении (чувства и воля целостной души, или психики, – в стороне) лишь в познании и для выводного знания. Из такой дедуктивной логики выпадают индуктивная логика и другие. Но по теореме Гёделя о неполноте [4, с. 100–101] нельзя сделать вполне дедуктивной даже логику науки. То есть вопреки общенаучным принципам объём родового понятия «логика» якобы может не включать объёмы конкретных логик как видовых понятий. Логика классов опирается на теорию множеств Кантора [4, с. 306–311], плохо определённых, как доказал автор в 1967 году для множества с равными элементами, например множества корней уравнения с кратными корнями, ввиду бесколичественности наличных элементов, неустойчивости общего числа элементов множества при его предельном переходе и, как доказал автор в 1994 году, ввиду впервые открытой сверхмножественности непрерывного.

Формальная логика изучает лишь формы мыслей и их сочетаний, отвлекаясь от их содержания. Это полезно и необходимо для успешной работы бездумного искусственного интеллекта (рассудка) по строгим предписаниям (алгоритмам) и при упорядочении, включая составление таблиц. Однако это же

часто ведёт не только к бессмыслице, но и даже к формальным нарушениям собственных правил (законов, или принципов) формальной логики. Явно нарушен её четвёртый закон – принцип достаточного основания [4] – в якобы истинной материальной импликации «Из того, что дважды два – четыре, следует, что лёд всплывает в воде». Парадокс материальной импликации: из ложного утверждения следует любое утверждение [4] – ведёт к расширенному производству ложных утверждений. Двухзначная классическая логика [4] лишь с двумя истинностными значениями (или истина, или ложь) даёт местами белую (истина), местами чёрную (ложь) картину мира. Все известные разновидности классической логики [4], включая многозначные с добавлениями градаций серого, и не только формальные традиционная аристотелева и математическая, но и диалектическая, лишь отчасти приемлемы для уподобления-программирования и только разрывных, пошаговых действий с конечными исчерпывающими совокупностями возможностей выбора, например шахматиста даже уровня чемпиона мира или очень упрощённо композитора-песенника. А известная подсознательная интуиция [4, с. 181–182; 7, с. 216–217] с перебором сочетаний и выбором наилучших чувством красоты [7, с. 805–808] как посредником (медиатором) разрывна, как и классическая логика [4], годная лишь для доказательств и опровержений ранее найденных предположений.

В классической логике связки «есть» и «суть» (их может заменять тире) не имеют точного смысла. Они неоднозначны: означают реже верное или неверное тождество (совпадение) или хотя бы равенство обеих частей вида «дважды два – четыре» или «дважды два – пять», а чаще теоретико-множественные то ли включение одной из частей в другую видов «механик – физик» или «физик – механик», то ли принадлежность одной части другой видов «Ломоносов – великий химик» или «великий химик – Ломоносов». Если такое (верное или нет) тождество (совпадение) или равенство обеих частей рассматривается как вполне точное, то оно или истинно, или ложно, причём такая истинность является отношением равносильности: самотождественным (рефлексивным), то есть верным при тождестве обеих частей, например «два есть два»; обратимым (симметричным), например: если «дважды два – четыре», то «четыре – дважды

два»; переходным (транзитивным), например: если А есть В, а В есть С, то А есть С. Но обращение может расширять или сужать и поэтому требовать уточнений: «дважды два – только четыре», зато «четыре – не только дважды два, но и, например, один, умноженный на четыре». Если же такое (верное или нет) равенство частей – лишь приближённое, то бесспорность истинности или ложности исчезает, а утверждение теряет точный смысл и может быть принято как (не)приемлемое, или (не)допустимое, приближение при необходимости и/или готовности в зависимости от условий. И даже такая (не)приемлемость, или (не)допустимость, взамен истинности [4] вовсе не является отношением равносильности: самождественность (рефлексивность) точна, но вызывает вопросы и даже возражения сама приближённость: «два есть примерно два»; необратимость (несимметричность) ввиду осложнения: «2,001 – примерно 2» часто приемлемо и допустимо, но «2 – примерно 2,001» ни к чему; переходность (транзитивность) вполне может нарушаться накопительным наращиванием с явным выходом за пределы приемлемости и допустимости, например с 2 до 3 тысячью шагов по тысячной: «2 – примерно 2,001», «2,001 – примерно 2,002», ...

Ещё больше вопросов, возражений и условий вызывают теоретико-множественные связки. При включении одной из частей в другую верно «механика – физика», а «механик – физик» верно лишь при хотя бы той или иной учёбе механика в вузе, что предполагается у физика, но не у слесаря-механика. Оба обращения сужают и неверны. В случае принадлежности одной части другой: верно «Ломоносов – великий химик», но сужает величие Ломоносова и как великого физика, филолога, поэта, историка и т. д. Сужает и «Ломоносов – великий учёный» этого великого поэта. Обращение «великий химик – Ломоносов» неверно как сужающее с исключением хотя бы Менделеева. А не слышимое изъятие подразумеваемой связки ведёт к верному (предикат теперь как определение сохраняет своё значение) словосочетанию «великий химик Ломоносов» с теми же, что и выше, ограничениями его заслуженного величия.

Безоговорочное следование классической логике и особенно углубление в неё опасно для психического здоровья. Умозаключение пациента «Я Наполеон;

следовательно, я Юлий Цезарь» достойно Книги рекордов Гиннеса. Обычно ограничение одним из этих суждений или подобным с заменой великой личности. Однако любое умозаключение такого рода является абсолютной истиной в классической логике: в ней из ложного утверждения следует любое [4], а наличие или отсутствие причинно-следственной связи вообще лежит за пределами.

Всеобщая логика в логике в гераклитовском смысле логоса [7, с. 134–135, 323–324] как «сквозной смысловой упорядоченности бытия и сознания» выделяет частные и личные жизненные логики и общую логику с формальной дедуктивной, диалектической, индуктивной логикой и др. Всеобщая логика играет ключевую роль во всеобщей философии и в унижизнесотворении. Из шести сверхуровней одной из его иерархий первый составляет унижизнелогика со всеобщими законами природы, общества и культуры, включая униприродоведение, униэтику и униэстетику, а с четвёртого по шестой – унифилософия, унипсихологика и унидеелогика. В унифилософию входят унионтология, унигносеология и унилогика. В унипсихологику включены унипсихология, униисцеление, унипедагогика, униуправление, униобществоведение и унифилология. В унидеелогикку входят униискусность, униинженерия, унипреображение, унижизнепсихокогерентность, унигениелогия и унидостижение.

Основные законы унилогики: закон метауровневого тождества с полезной уточняемостью, например: Волга (как и всё) течёт, но остаётся Волгой; закон недобавления вредной противоречивости; закон исключённого невозможного, маловероятного, бесполезного; законы необходимого, достаточного, полезного, (без)условного, прочного, надёжного и устойчивого действенного основания. Материальная импликация пропускается при невыполнении её условий. Связке (есть, суть) придаётся точный смысл: тождества (есть, суть), равенства (равен, равна, равно, равны), принадлежности (есть/суть элемент // один/одна/одно (из) // некоторый/некоторая/некоторое (из)), включения (есть/суть часть // одни (из) // некоторые (из)). Рассматривается лишь насущное. Всеобщая логика уникалассов строится на унимножествах без антиномий и ослабляющего отказа от абстракции актуальной бесконечности [4, с. 12, 19–20] в интуиционистской и конструктивной

логиках [4, с. 179–181, 225–226; 7, с. 216, 274]. Противоречивость в унилогике (униупорядочении) и униматематике допустима, если надо, и даже используется.

Пустота, ничто и небытие в классической философии представлены статьями «МАДХЬЯМИКА», «НЕБЫТИЕ», «НИЧТО» и «ШУНЬЯ» [7, с. 332–333, 419, 437–438, 785], в классической логике – «ПУСТОЕ МНОЖЕСТВО», «ПУСТОЕ ПОНЯТИЕ» И «ПУСТОЙ КЛАСС» [4, с. 434]. «Вводимое ПАНИНИ понятие нулевого элемента в языке как значимого отсутствия представляет собой точную аналогию другого открытия др.-инд. науки – употребления нуля в математике» по статье «ПАНИНИ» [7, с. 476]. Значимое отсутствие важно для языка с денотатами [5, с. 128–129], математики, логики, науки и жизни. Но ноль считается числом, а не отсутствующим элементом. В классических философии и науке ничто и пустота – только понятия без всеобщности с путаницей в их взаимосвязях с небытием. В теории множеств Кантора [4, с. 306–311] в основе классической математики ничто и пустота суть для объединения множеств пустое множество. Однако различение отношений принадлежности и включения ведёт к якобы непустоте множества с единственным элементом – пустым множеством. Так ничто превращается рассмотрением в нечто вопреки закону сохранения.

При действиях над предметами классические ничто и пустота зависят от предметов и действий. Для чисел при сложении и вычитании это ноль как пустая сумма, при умножении и делении – единица как пустое произведение. В алгебре множеств [4, с. 306–311] ничто и пустота при объединении и вычитании суть пустое множество как пустое объединение, при пересечении же как пустое пересечение полное (якобы универсальное) множество, а оно есть вся предметная область рассмотрения и зависит от неё вопреки универсальности. В алгебре логики (высказываний) [4, с. 21–23] ничто и пустота при дизъюнкции [4, с. 131–134] суть ложь как пустая дизъюнкция, а при конъюнкции [4, с. 229–231] – истина как пустая конъюнкция. Это подгонка: пустые сумма, произведение, объединение, пересечение, дизъюнкция и конъюнкция как частные случаи итога всеобщих полных отсутствия и бездействия обязаны иметь одно и то же общее значение вне зависимости от прошлых (отсутствовавших) и грядущих действий,

какими бы они ни были. В классической науке и вообще нет такого известного общего значения.

В классической математике [4] отношения принадлежности и включения строго различаются. Это приводит ко многим парадоксам теории множеств Кантора [4, с. 306–311] в основе математики. А рассмотрение элемента как одноэлементного множества ведёт к их различению вопреки законам сохранения.

Унижизнесотворением открыта унисодержимость, унитарность и унипринадлежности, и унивключённости, без парадоксов теории множеств Кантора. По всеобщим законам сохранения пустое множество не считается, но унисодержится в любом множестве. Ничто не превратится в нечто: множество с пустым множеством как единственным элементом унипусто, а рассмотрение элемента как одноэлементного множества ведёт к их унитарности. Открыта и унипустота как итог всеобщих полных отсутствия и бездействия и как нейтрализующий униоперанд (отменяет действия над собой и сохраняет былое неизменным). Унипустота обозначается, как и пустой якобы нулевой суффикс, знаком пустого множества или элемента, но отличается от них всеобщностью.

Всеобщая психология [1, 2] со всеобщими жинепсихоанализом и жинепсихоисцелением, которые не сужены психоанализом [7, с. 431, 548, 748–750] и объединяющим многие его подходы психосинтезом, (мета)метакогнитивно униинтуитивна. В унижизнесотворении основополагающие идеи всеобщих наук являлись вслед за их предчувствием интуитивно – озарение и инсайт в статьях «БЕРГСОН», «ИНТУИТИВИЗМ», «ИНТУИЦИЯ», «ЛОССКИЙ» [7, с. 49–50, 216, 216–217, 326] – прежде (ранее, до) образности и словесности, филологичности. Сущностно те идеи шли из непрерывной всеобщей логики бытия и сознания, интуитивности и доказательности, наведения и выведения, (сверх)бесконечного, всеобщих открытий и изобретений во имя унифилософской целостности мира.

Всеобъемлющую униинтуицию разумно спроектировать на всеобщие науки. Первична унилогическая униинтуиция. Унижизнепсихокогерентная униинтуиция в унипсихологической униинтуиции настраивает на предчувствие догадок. И они воображаются, преображаются, воплощаются униискусной, унипреображающей, унифилологической униинтуицией. Последняя явно

главенствует при построении иерархии всеобщих наук, первична и полезна для извлечения и развития не только филологических идей при единении свежего взгляда, чутья, воображения [8, с. 91] и риторики [6, с. 416–417] поэта даже в науке с воображением и логикой учёного. Унифилология с унизязыковедением играет ключевую роль в единении с унифилософией, унилогикой и унипсихологией с унижизнепсихологией в иерархии унижизнесотворения при всеобщих здравомыслии и интуиции.

Биографический метод первичен в гениологии (науке о гениальности [7, с. 107]). (Творческие) жизнеописания ряда исследуемых сравниваются со стороны мышлением и волей исследователя. Произволен выбор состава исследуемых и частей их жизнеописаний. Чувствование гениев и своя близость к ним как его основание не выражаются, способность к сочувствию им ничем не доказывается.

В унипсихологии [1, 2] с унигениологией создан автобиографический метод приобщения исследователя к творческому жизнеописанию исследуемого, куда более глубокий, чем тот биографический метод. Находится общее именно в творческих жизнеописаниях исследуемого и исследователя как необходимое условие понимания и сочувствия, судьбоносно выражаемых и непременно доказываемых. По статье «ГЕНИАЛЬНОСТЬ» [7, с. 107] «Шиллер раскрывает природу гениальности через понятие «наивности» как инстинктивного следования безыскусств. природе и как способности к непредвзятому постижению мира», Платон (и другие в гениологии) связывает гениальность с бесконечностью (впервые точно измеряемой автором). На редкость интересен К.Э. Циолковский, чья цельная по Платону [7, с. 496–498] душа чувствуется родственной с яркими жизнью и особенно творчеством-судьбой. Они сверхвозмещением подтверждают основоположение унижизнесотворения: препятствия, осложнения и испытания – не для обречённости и подавленности, а для развития, подъёма и даже взлёта. Гений – субъект и объект понимания, поддержки, помощи, сочувствия и сопричастности; величайший открыватель, изобретатель, вдохновитель, (само)психолог, (само)учитель и (само)целитель всеединства чувствования, мышления, волеизъявления, метакогнитивного мудрого деяния, миротворчества. Судьбоносная гениальность К.Э. Циолковского

поучительна для унипсихологии [1, 2], а особенно унигениологии, текущего уни(само)профилирования [1] и уни(мета)эдологии [2], да и психологии иерархий способностей, достижений и творчества. Многими произведениями автора ясно выражена близость ему К.Э. Циолковского. Так, в первой поэме «Космическая увертюра» в 12 лет три катрена посвящены К.Э. Циолковскому. Небо, космос и звёздность излюблены русской, украинской, английской и немецкой поэзией автора. Значимая общность в судьбах начинается с панпсихизма, призвания мыслителя с детства и с главенства непрерывного самообразования. Автор посвятил К.Э. Циолковскому три статьи о всеобщих философии, математике, физике и психологии, поэму-триаду английских акросонетов, два стихотворения, да и повесть отчасти о нём к международному конкурсу. За победу в нём имя автора присвоено одной из звёзд.

Бесконечная непрерывная открывающая и изобретающая унилогика начинает постижение предмета унижизнепсихокогерентным в унипсихологии сознательно целенаправленным сосредоточенным проникновенным излучением целостной психики с бессознательным (подсознательным и надсознательным, или сверхсознательным [7, с. 622–624]) – в отличие от потока лишь сознания по У. Джеймсу [7, с. 152–153]. Предчувствию и предвосхищению постижения следуют озарение, инсайт [7, с. 209], прозрение, догадка всеобщей интуиции, рождая (перво)образы воображения, далее символику, знаковость, словесность изречения унифилологии с творческими униязыко-, унилитературо- и унинауковедением.

Всё сущее живо со всеобщим сознанием по всеобщим наукам со всеобщим оживлением на унилогическом уровне разума, составляющего вместе с рассудком мышление, и по панпсихизму и К.Э. Циолковского. Автору как слушателю с двух лет, читателю и чтецу (и сказок) с пяти лет, сочинителю стихотворений с 12 лет и поэту с метафорическим мышлением близки присущие поэзии, песням, во многом правдивым сказкам и мифам о неведомом былом оживление и олицетворение предметов якобы неживой природы. Воображение их уподобления быстро и кратко живущему выражается в поэзии и унинауках автора. Исследование углубляют всеобщие оживление и одухотворение предметов рассмотрения, например точного измерения (сверх)бесконечного и открытия

сверхэлементарных уничастичных сущности и строения непрерывного (континуума). Важным для создания унифизики автора с открытием первых всеобщих прочностных законов природы стало воображение видоизменяющего пространственного преобразования. Всеобщим оживлением и одухотворением всех своих произведений-детей в них самозабвенно вкладывается вся душа. В (уни)герменевтике через духовно близкие произведения других к ним самим неудержимо влекутся понимание и сочувствие.

Унифилологично унижизнепсихокогерентные методы противопоставлены отчасти филологичному психоанализу [7, с. 431, 548, 748–750] личности-пациента с расщеплением души по Аристотелю [4, с. 43–46; 7, с. 35–38] и нацеленностью на диагноз болезни («ищущий обрящет») как отклонения от психической нормы. Бывают «пациенты психоаналитика» с мрачным «Оно», истериями и маниями, включая отрицательные мании величия: все окружающие якобы заняты лишь причинением вреда пациенту. Однако филология очищает и возвышает душу и дух, а фрейдизм при всей ценности догадок о бессознательном [4, с. 59; 7, с. 52–53] извлекает из подсознания неприемлемое и затемняет сознание, допросами же опасно навязывает вредные выдумки (малышам – комплексы Эдипа и Электры). Автора как поэта впечатляет метафоричность З. Фрейда, который, как и К. Г. Юнг, отказывался от психоанализа творцов: их лечит именно творчество. Для их изучения унижизнепсихокогерентные методы наиболее полезны. Этимологически психокогерентность – полная сонастроенность душ. Это резонанс родственных душ, которые, оставаясь собой без усилий, близки в чувствовании, мышлении и волеизъявлении. Если этого нет, то сонастроенность с опорой на воображение и способность сочувствовать и сопереживать частична. Вопреки психоаналитику унижизнепсихокогерирующая личность, сочувствующая и сопричастная, унижизнепсихокогерент, необходимо имеет в опыте и достижениях сходное с тем у сочувствуемой жизнепсихокогерируемой личности, жизнепсихокогерируемого. А достаточность унижизнепсихокогерент должен именно убедительно доказывать предъявлением ясно и ярко выраженных итогов унижизнепсихокогерентности.

Судьбоносная унижизнепсихокогерентность со всеобщими оживлением и одухотворением куда выше полезной для взаимопонимания кратковременной эмпатии (как метода) к очередному пациенту и противопоставляется также психосинтезу Р. Ассаджиоли – синтезу психоаналитических подходов [7, с. 548].

Известны случаи внезапного появления готовых посторонних знаний (древнего языка индейцев у нашего современника и т. д.) совсем без познания при повреждениях головного мозга. Автору поведала при свидетелях одна семья: бодрствовавшая жена явственно услышала отчётливое исполнение уснувшим и не помнящим этого мужем, часто пишущим рифмованные поздравления, катрена (стихотворного четверостишия) на языке совершенно не известной им обоим группы языков. Сон – изменённое состояние сознания. Небывалые сны знакомы всем. Не находится хранилище памяти в нейронах. И всеобщая логика допускает внешнее хранение данных хоть долговременной памяти [8, с. 475–476] в биополях и/или веществах, как в облачных технологиях информатики. Полезно развить общепризнанную компьютерную метафору. Мозг сходен с приёмно-передающей телерадиостанцией. Она (пере)настраивается системой включаемых временных нервных связей по И. М. Сеченову [7, с. 605–606] и И. П. Павлову [7, с. 474], скачком перестраивающейся при повреждениях мозга. Облака памяти подобны приёмно-передающим телерадиостанциям с устройствами, записывающими и воспроизводящими данные (видеомагнитофонами с фотовидеокамерами). Такие технологии – непрерывные (аналоговые) в духе бесконечной непрерывной всеобщей логики, а не лишь прерывные (цифровые) в духе конечной прерывной классической логики [4], современной компьютерной и фотовидеотехники и искусственного «интеллекта». Иногда мастера оригинальной художественной фотовидеосъёмки, уподобляемой научным исследованиям, пользуются именно непрерывной аналоговой техникой. Для повседневных нужд конечная прерывная цифровая компьютерная и фотовидеотехника выигрывает. Такое разнесение психики согласуется с общепризнанным разделением личной и общественной (коллективной) психики с полностью сознательным [7, с. 622–624], (временно) неосознаваемым и бессознательным [4, с. 59; 7, с. 52–53], например коллективным бессознательным К.Г. Юнга [7, с. 815] и эгрегорами. Мгновенная

(при текущем восприятии [8, с. 92–93] себя и среды), кратковременная (с итогами текущих действий) и срочная (при установке «сдать и забыть» и др.) память объяснима инертностью рецепторов и системы включаемых временных нервных связей как внутренняя наподобие рабочей памяти компьютера. А долговременная память может быть внешней и напоминать внешнюю облачную память компьютера. Общественная внешняя облачная память через общедоступную глобальную связь с Интернетом беспроводными подключениями Wi-Fi (Wireless Fidelity) как уподобление долговременной памяти обладает преимуществами по сравнению с личной внешней памятью (карточками памяти и другими уподоблениями обращения к книгам, библиотекам и людям). Это лишь удобные конечные прерывные цифровые уподобления. Куда ближе – бесконечные непрерывные аналоговые уподобления. А на деле – телепатическое направленное излучение психической энергии и её приём. Многоязычие [6, с. 303] и интерференция [6, с. 197] связаны с межъязыковыми переходами как перенастраиваниями системы включаемых временных нервных связей на соответствующие объёмы отчасти долговременной памяти. При синхронном переводе быстры межъязыковые перескоки путём перенастраиваний системы включаемых временных нервных связей на соответствующие объёмы кратковременной памяти. Этим объясняются огромное напряжение и быстрая утомляемость синхронных переводчиков, а также невозможность их подробных отчётов о содержании переведённых ими речей. Подобна безотчётность быстро печатающих машинисток и читающих вслух текст на иностранном языке по слогам при такой степени владения им. Возможно частичное привлечение долговременной памяти для исполнения обязанностей срочной памяти заблаговременной установкой на освобождение по истечении заданного срока, подобное якобы стиранию-удалению данных, на деле обозначению их не подлежащими сохранению с возможностью записать на их месте новые данные. Это подобно удалению файлов без (сходного с очищением) форматирования носителя. Сознательной установкой [7, с. 708] удаётся не только освободить, но и сразу вполне очистить желанную часть долговременной памяти.

Долговременную память составляют впечатления именно как образы систем включаемых временных нервных связей при малой части всего потока данных восприятия и/или воображения, поставляемых органами чувств и мозгом. Это и у обладателей фотографической памяти, ведь абстракцией установки на важное отсеивается всё постороннее многообразие наподобие шумов при восприятии речи. А в целевом избирается для запоминания лишь существенно новое, главное, опорное, особо редкое при глубине мышления, упорядочении и иерархичности всего запомненного ранее с методологичностью взамен бездумно-беспорядочного фактологического разбрасывания. Прямо по ходу восприятия и/или воображения возникают мысли и чувства познания, переживания, волеизъявления, внутреннего действия, лишь отчасти выражаемые осознанным замыслом и внутренней речью [6, с. 85], а куда полнее – системой включаемых временных нервных связей. Сонастроенность психики с долговременной памятью ведёт к впечатлению – образу этой системы в соответствующей части долговременной памяти. И такой психофизиологический перевод психических состояний и процессов, ведущий к психическим образованиям и свойствам личности, сходен с переводом текста на непрерывное подобие азбуки Морзе. Её как однозначную вне влияний психики, контекста и условий Н. Хомский [6] считает идеальным средством общения, а естественные языки малопригодными для общения средствами познания. Умение младенцев выделять речь из шумов объясняют универсальными грамматиками [6, с. 536–537]. Однако способность [7, с. 649–650], в том числе языковая [6, с. 617], не может быть врождённой. Врождены анатомо-физиологические задатки и для восприятия речи и речепроизводства. А умение младенца выделять речь из шумов обусловлено его ещё утробным опытом, продолжающейся неотделимостью от матери и полной зависимостью от взрослых, говорящих и о кормлении в связи с этим. Так что вырабатываются условные рефлексы и со второй сигнальной системой, свойственные и домашним животным (без понятия об универсальных грамматиках) с полной зависимостью от хозяев. Можно предположить: «Маугли», попавшие младенцами в чисто животное окружение с радиорепродукторами, постоянно работающими независимо от пищи и других

жизненно важных условий без выработки условных рефлексов именно со второй сигнальной системой, вовсе не выделяли бы речей радиорепродукторов из шума, и врождённые анатомо-физиологические задатки для восприятия речи и речепроизводства [6] не привели бы к этим способностям. Двоичная прерывная азбука Морзе во многом подобна полезным для решения лишь простых конечных прерывных задач таким же классической логике [4], явно недостаточной для речи, как показало логическое направление [6, с. 273–275] в лингвистике [6], и искусственному рассудку (интеллекту) в кибернетике [4, с. 214]. Бесконечная непрерывная всеобщая логика выражается унинаучно уточнённой бесконечной непрерывной многоязычной речью, открывает унизакномерности миропорядка, психики и деятельности и решает сколь угодно сложные их всеобщие задачи.

Воспроизведение впечатлений долговременной памяти возможно случайно (и во сне) либо по необходимому и/или желанному запросу системы включаемых временных нервных связей, сонастроенной с соответствующими впечатлениями в виде образов былых систем тогда включавшихся временных нервных связей. При этом последовательно, начиная с ближайшей к искомой, воспроизводятся те былые системы, процессы и состояния психики и воображением первообразы впечатлений – сложных образов предметов былых восприятия и воображения. Это подобно итогам поиска в компьютере и Интернете по ключевым словам и ведёт к обратному физиопсихическому приближённому переводу. Запоминалось ведь не всё бесконечное многообразие свойств любого предмета восприятия, а редкое главное, новое. Сменились состояния субъекта и среды. Зато воображение позволяет изменять и сочетать первообразы впечатлений. Промежуточные и окончательные итоги воображения, а не только предметы восприятия, могут сохраняться в мгновенной, кратковременной, срочной и долговременной памяти.

Впечатление как психическое образование может обладать только сухими данными без их чувственной окраски переживаниями для принятия к сведению на образовательном уровне и быть ярко окрашенным переживаниями руководством к действию на воспитательном уровне. Такое руководство бывает созидательным или разрушительным наподобие компьютерных вирусов или «троянских коней» для личности и общества. Так, пациент психоаналитика

внедряет в (под)сознание знакомого с явно недостаточной психической защитой якобы священную, даже самосакрализующуюся сверхмощно психически самозащищающуюся навязчивую идею фикс [4, с. 166] – особо сильнодействующее вредоносное, разрушительное впечатление (психическое образование, чувство, комплекс по психоанализу З. Фрейда [7, с. 548, 748–749]) ничем не оправданных ложных вечных вины и обязанности перед пациентом, беспокойства, тревоги, переживаний и заботы о нём, часто подкрепляет это нагружением собственными проблемами пациента, нытьём, истериками с паникой. Знакомый никак не выберется из стресса, теряет много жизненных сил, а пациент может частично приобретать их. Ведь закон сохранения энергии действует лишь при отсутствии или, вообще, равнодействии источников и поглотителей энергии. Поэтому при всесторонне положительном, созидательном взаимодействии, включая общение, все стороны приобретают жизненную энергию, а при отрицательном, разрушительном все теряют её. Закон самосохранения требует непременно всеобщей (само)помощи [2] – всеобщих (само)понимания, (само)осуществления, (само)профилирования и (само)медиации [1] всеобщих жизнепсихоанализа и жизнепсихоисцеления всеобщей психологии с (само)избавлением от столь вредоносного внедрения. Также всеобщая филология и воображение помогают увязать внедрение с уместными пословицами [6, с. 389] и поговорками [6, с. 379], другими крылатыми словами [6, с. 246], да и не менее яркими образами внедрённого и внедряющего для выработки условного рефлекса [4, с. 451]. Он сразу влечёт переключение и забвение вредоносного внедрения. Долговременная память перестраивается с очисткой её нужной части наподобие форматирования виртуального диска как части носителя, если иначе не удаляются компьютерные вирусы или «тройские кони». Психоанализ З. Фрейда [7, с. 548, 748–749] придаёт значение случайным оговоркам, опускам, мелким, легко и без последствий устранимым простительным неточностям как ошибкам с якобы серьёзными выводами о психике, отвлекая от главного. Унижизнепсихоанализ открыл иерархию значимости отклонений, заблуждений и ошибок: неизбежные отклонения сущностно и (уни)психологически оправданной всеобщей абстракции как

извлечения необходимого, достаточного и полезного для жизни (погрешность правильного округления чисел и т. д.); редкостью не мешающие восприятию и не влияющие на смысл грамматические ошибки; легко устранимые, не влияющие на принятие решений познавательные заблуждения [4, с. 155–156; 7, с. 188] и ошибки [4, с. 370–373]; априорно обоснованные, апостериорно неоправданные надежды; наивные чувственные легкомысленные непродуманность, доверчивость совсем без проверок; неподготовленность; неспособность; безответственность; нарушения здравомыслия и/или логики; зависимость-мания; принятие жизненно важных явно, заведомо ошибочных решений; нарушения закона самосохранения; предательство собственных и/или доверяемых близких интересов и др. (возможны и сочетания). Всеобщая логика ведёт к принятию правильных решений благодаря предварению чувств унилогическим фильтром, униметодологиям объективного унижизнепсихоанализа достоинств и недостатков с достижениями и упущениями и с унилогическим учётом чувств, определению наиболее подходящих ролей во всеобщих театрах своих жизней и затем расцвету чувств к достойным избранным.

При начальных методах психологии – (само)наблюдении и интроспекции [7, с. 216] как психическом опыте – наблюдаются частные стороны отдельных изменчивых проявлений состояний психики. Их неоднозначные выражение, передача, истолкование зависят от подготовленности, доверия, взаимопонимания, настроений, желаний, случая. Нужно прижизненное общение. Итог не проверить.

Рефлексивно [7, с. 579–580] применимые унижизнепсихокогерентность и творческое автобиографическое приобщение постигают психику оживлённо, целительно, однозначно. Творчество и (авто)биография закономерно нарастают, сохранены на метауровне, неподдельны, куда полнее и красноречивее случайных частностей. Возможны разновременность жизней, повторяемость, проверяемость итогов. Одухотворённо постижимы творческие произведения далёкого прошлого в герменевтике [7, с. 111–112] и в унигерменевтике, языки, включая иностранные. Их изучение – ахиллесова пята лучшего в мире советского среднего и высшего образования. Вот бы восстановить их, вернуть красноречивое классическое многоязычие дореволюционной гимназии и логику, дать философию, психологию

и лингвистику. Длительность обучения сократить переходом от беспорядочного разбрасывания безжизненной бессвязной фактологии к творческой методологии наращивания иерархии желанных живых знаний. Помогут унижизнесотворение автора и унимногоязычие его произведений в науке, литературе и искусстве.

Классическая филология как лишь научная рассматривает языкознание и литературоведение по существу только как вторичный разбор первичных языка и речи, как текстологию [6, с. 414–416, 507, 544–545, 604–606, 618–622]. Первичные личные языкотворчество и литературное творчество и охватывающие их личные языковедение, литературоведение не включены. Ограничение линейной знаковой и звуковой последовательностью письменной и устной речи пренебрегает сверхлинейностью. Завершённость письменной и устной речи не использует возможностей последовательных приближений, а дедуктивный разбор наличного очень редко извлекает новые идеи и открытия, свойственные индуктивной логике. Упускаются творческие возможности синергии психологии, логики и филологии. Лишь определяется личное многоязычие [6, с. 303] без анализа его многомерности и умножающей её многогранности, незаменимости и ценности для развития творческой личности с детства [5]. Они подтверждаются и опытом автора, которому русско-украинско-английское трёхязычие очень помогло выиграть областные олимпиады по всем предметам, стать третьим призёром Всеукраинской и Всесоюзной олимпиад по математике и победить на Всеукраинском конкурсе студенческих научных работ по ходу создания и развития иерархии собственных всеобщих наук русским, украинским, английским и немецким поэтом.

Классическая филология [6, с. 544–545] – лишь наука, а жизненно важная личная филология отдельного человека – вне поля зрения. Мало кто понимает крайнюю необходимость филологии даже для выживания народа в жестоком мире. Вооружённые нападения часто сменяются изощрёнными нескончаемыми промыванием мозгов и манипуляцией сознанием в якобы холодных войнах. Эти не очевидные нападения – в сущности идеологические, мировоззренческие, философские, логические и психологические, а по явлению во многом словесные, филологические с добавлением кино и телевидения в средствах массового

обмана. Действуют очень глубокие технологии (окно Овертона и др.) быстрого или постепенного массового внедрения чуждых, вредоносных, смертельно опасных идей в (под)сознание. Во имя долговечности человека и народа их прочность, надёжность, устойчивость и защита от подобных нападений должны быть также в духе игры (ведь война – математически игра) и творчества [7, с. 195, 670–671] мощными идеологическими, мировоззренческими, философскими, логическими, психологическими и словесными, филологическими. Роль филологии огромна.

Унифилология выделяет в филологии классическую филологию [6, с. 544–545] как общую науку, а также сколь угодно далёкие от научности частные и личные филологии отдельных сообществ и людей, очень важные для их жизни.

Унифилология использует возможности сверхлинейности письменной и устной речи [6, с. 414–416]. Сочинение, исполнение и восприятие поэзии накладываются на её метр и ритм, рифмовку, строчное и строфическое строение в соответствии с ритмичностью психики. А иерархия собственных всеобщих наук и их строение представляются двумерно в воображении, на листах бумаги или на экране компьютера. Возможно и повышение размерности силой воображения, сопоставлением листов бумаги или окон на экране. Унифилология использует течение письменной и устной речи, особенно естественно или искусственно замедленное. Автор, поручивший подчинённым техническое оформление своей кандидатской диссертации, докторскую диссертацию оформил сам, в том числе машинопись, вычерчивание рисунков и вписывание формул. Продумывание при замедленном и целесообразно прерываемом оформлении привело ко множеству дополнительных глубоких обобщений и находок. Унифилология использует последовательные текстовые приближения для усовершенствования самой сути, наподобие индуктивной логики нацелена на извлечение новых идей, на открытия. Включены творческие возможности синергии унипсихологии, унилогики и унифилологии с униязыковедением и личным многоязычием, его ценность, незаменимость, многомерность и умножающая её желанная многогранность с охватом жизнедеятельности, искусства, литературы, науки и преподавания.

Унифилология имеет три предмета с парами начал: униязыковедение с униязыкотворчеством и унимногоязычием, унилитературоведение с унипоэтичностью и унипрозаичностью и унинауковедение с унинаучностью и сверхнаучностью. Логично включение унинауковедения в унифилологию как в унитекстоведение с унитекстологией, поскольку текст может быть и научным. Филологически науковедение – ведение научных текстов, их текстология, то есть проекция общепринятого науковедения [7, с. 406–407] на филологию. Но ни филологическое, ни общее науковедение содержательно не развивают самих наук. В унифилологии униязыковедение, унилитературоведение и унинауковедение – именно первичные, творческие. Так, униязыковедение включает целиком личное и общественное языкотворчество. В унилитературоведение вполне входят личное и общественное литературное творчество. Унинауковедение вбирает и всё личное и общественное научное творчество. Эти именно частные и личные языковедения и литературоведения включают и сочинение новых слов (неологизмов) [6, с. 331], словосочетаний, произведений: художественных, публицистических, мемуарных, научно-популярных, научно-методических, научных. Полезны языки обозначений и изображений, необычное воображаемое и/или действительное распределение письменной, устной и/или внутренней речи [6, с. 85] в пространстве и времени.

Всеобщим наукам автора присуща важная для (само)развития объективная многоуровневая методология качественной (само)оценки значимости и высоты самих научных построений (без учёта влияния стороннего продвижения) по их собственным достигнутым высшим уровням снизу вверх. Это восемь уровней иерархии методологии: 1) приложения известных знаний к новым задачам; 2) выдвижения качественно новых подходов и приёмов; 3) создания качественно новых замыслов и понятий (концепций); 4) создания качественно новых способов (методов); 5) открытия явлений и создания качественно новых воззрений (теорий); 6) открытия законов и создания качественно новых учений; 7) открытия иерархии законов и создания качественно новых наук; 8) создания многогранных иерархий (соподчинённых многоуровневых соединений) качественно новых наук.

В унифилологии унилогика рождается и развивается унипсихологически, а (само)выражается унифилологически особыми унилогическими языком и речью. Во всеобщей психологии всеобщие интуиция, жизнепсихологичность, -анализ, -исцеление и гениелогия неразрывно взаимосвязаны со всеобщей филологией, включающей и всеобщую герменевтику. И с многогранным синергетическим творческим многоязычием и вживанием в иностранные языки. Филология жизненно необходима всем. Сущность языкознания выражается структурно [6, с. 496–497]. Но не менее важно представлять язык живой душой народа благодаря приобщению к кладезям народной мудрости и психологическому направлению в языкознании, особенно (нео)гумбольдтианству [6, с. 123–124, 330–331, 405–406]. Именно они в мире многочисленных лёгких соблазнов помогают побуждать учащихся к освоению теоретико-множественного подхода к языкознанию [6].

Список литературы:

1. Гелимсон Л.Г. Всеобщие (само)понимание и (само)осуществление, (само)профилирование и (само)медиация // Профайлинг и медиация: сферы, ценности, технологии, обучение. Коллективная монография. Серия «Актуальные проблемы практической психологии: кризис, развитие, поддержка» / ответ. ред. М.Р. Арпентьева. – Калуга: Калужский гос. ун-т им. К.Э. Циолковского, Эйдос, 2016. – Вып. 2. – С. 275–283.
2. Гелимсон Л.Г. Методология (само)помощи и (мета)эдологии созидательного творчества // Помогающее поведение: ценности, смыслы, модели. Коллективная монография. Серия «Актуальные проблемы практической психологии: кризис, развитие, поддержка» / ответ. ред., автор введ. М.Р. Арпентьева. – Калуга: Калужский гос. ун-т им. К.Э. Циолковского, Эйдос, 2016. – Вып. 1. – С. 211–223.
3. Гелимсон Л.Г. Ценность языков народного творчества для многоязычной поэзии и лирического юмора автора // Язык и поэтика русского фольклора / отв. ред. Н.В. Патроева. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. – С. 139–141.
4. Кондаков Н.И. Логический словарь. – М.: Наука, 1971. – 656 с.
5. Кудрявцева Е.Л. От многоязычия – к креативности: инновации в поликультурном образовании // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ: в 15 т. – 2015. – С. 123–127.

6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 686 с.
7. Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. – М.: Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с.
8. Chen M.K., Santos L.R., Lakshminarayanan V. How Basic Are Behavioral Biases? Evidence from Capuchin Monkey Trading Behavior // Journal of Political Economy. – 2006. – Vol. 114. – No. 3. – P. 517–537.

Дата публикации: 12.07.2017